

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.08

В.П. ШАХЕРОВ

УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2)613

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье приводится материал о развитии пушного промысла в XVIII – первой половине XIX вв. в Северо-Восточной Азии. Рассматривается роль пушных промысловых ресурсов в хозяйстве сибирского населения и становлении крупных купеческих капиталов. Представлена динамика освоения промысловых территорий. В связи с истреблением пушных запасов на восточных окраинах Сибири начинается освоение островов Тихого океана и Аляски. В самой же Сибири сокращение ценных пород пушнины приводит к переходу промысловиков на менее ценную, прежде всего на белку. В рассматриваемый период заметные изменения претерпевает пушная торговля и ее специализация. Пушнина становится одним из ведущих товаров на китайском рынке и оказывает заметное влияние на развитие российско-китайской торговли.

Ключевые слова: Сибирь, Русская Америка, Кяхта, пушные промыслы, торговля с Китаем, купечество.

V.P. SHAKHEROV

TO THE QUESTION OF THE NATURE OF THE FUR TRADE OF EASTERN SIBERIA IN THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIESV

The article provides material on the development of fur trade in the XVIII – first half of the XIX century in Northeast Asia. The role of fur-bearing commercial resources in the economy of the Siberian population and the formation of large merchant capitals is considered. The dynamics of the development of commercial territories is presented. In connection with the destruction of fur stocks on the eastern outskirts of Siberia, the development of the islands of the Pacific Ocean and Alaska begins. In Siberia itself, the reduction of valuable fur breeds leads to the transition of fishermen to less valuable, primarily squirrel. During the period under review, the fur trade and its specialization are undergoing noticeable changes. Furs are becoming one of the leading goods on the Chinese market and have a noticeable impact on the development of Russian-Chinese trade.

Keywords: Siberia, Russian America, Kyakhta, fur trade, trade with China, merchants.

Становление и развитие пушного промысла в Сибири в дореволюционный период достаточно неплохо освещено в сибирской историографии [1]. Детально рассматривалась организация промыслов, их структура и формы добычи, роль их в хозяйстве коренного и русского населения. Исследователей привлекали вопросы товарности пушных промыслов, их влияние на формирование внутреннего и внешнего рынков Сибири. Интерес представляло участие купеческих капиталов в пушной торговле, освоение новых ресурсов на просторах Тихого океана и североамериканской территории, воздействие на обороны и специфику русско-китайского торга. В настоящей статье предпринята попытка определить характер пушного промысла для населения Иркутской губернии и выявить тенденции, происходившие в этой сфере в рассматриваемый период.

Освоение пушных ресурсов Сибири было одной из основных причин российского продвижения за Урал. Вслед за соболем уходили все дальше на восток тысячи казаков и служилых людей, промышленников и торговцев. Уже в середине XVII в. в Сибири ежегодно добывалось пушнины на сумму в 100-150 тыс. руб. [2, с. 343]. Так, в 1670-х гг. в Восточной Сибири ежегодно промышляло не менее 1,3 тыс. профессиональных охотников [3, с. 27]. На протяжении XVIII в. пушная торговля оставалась одним из важнейших источников накопления капиталов сибирского купечества, а для ряда его региональных групп имела значение основного предпринимательского занятия. Мобилизация крупных оптовых партий пушнины на северо-востоке Сибири осуществлялась посредством скупки ее приказчиками и агентами купцов на местных торжках и ярмарках, а также сбором по улусам и селениям аборигенного и русского крестьянского населения. Значительная часть пушнины попадала к крупным скупщикам, как правило, уже из вторых или третьих рук, так как скупкой «мягкой рухляди» занимались почти все проживавшие в промысловых районах купцы, а также масса мелких торговцев из числа крестьянского и мещанского населения. Так, крестьяне Киренского уезда, где земледелие не могло обеспечить всех потребностей хозяйства, были тесно связаны с пушным промыслом. Почти в каждом дворе были орудия лова. В 1755 г., например, у 175 дворов имелось 10 970 «бельего заводу плах», 50 звериных ям, 57 рыбных ловель. Однако и здесь наблюдалась специализация. В действительности орудия лова были только у 69 хозяйств, причем 18 дворов имели почти 60 % этих приспособлений [4, с. 28]. Массовый пушной промысел, полнейшее отсутствие его регламентации приводили к падению ресурсов. Местная администрация уже в середине XVIII в. была тревогу, опасаясь за своевременное и бесперебойное поступление ясака. Илимский воевода И. Попов сообщал, что пушной промысел падает, так как «звери против прошлых лет очень умалились, оттого, что год от году их, иноверцов, умножаетца и всякий зверь отшатился в незнаемые дальнейшие места». Воевода считал, что

пришла пора отказаться от соболиного ясака, так как соболей нет, а следует обложить эвенков «деньгами, окладом против прежнего с убавкою, ибо они, тунгусы, самые люди бедные» [4, с. 29]. Соблюдая государеву пользу, уездные власти запрещали промышлять крестьянам в ясачных волостях, отдавая коренному населению и некоторые традиционные русские угодья. Крестьяне Нижнеилимской волости жаловались, что «ныне в означенных наших урочищах нам промышлять запрещено, а дозволено в тех наших местах промышлять и довольствоватца ясашным иноверцам, называемым тунгусам, которые наперед сего довольствовались в своих урочищах и в отдаленных местах, где рождаются соболи, рыси и прочие пушные звери, ... а в наших урочищах между русским жилком таковых зверей ныне и прежде не бывало, кроме одной белки и съестного зверя, и то по малому числу» [там же]. Тем не менее, добыча пушнины оставалась ведущим подсобным промыслом для крестьян таежной части Восточной Сибири. По свидетельству А.Н. Радищева, «целые округа Сибирских губерний не чем иным питаются, как промыслом звериным; благосостояние оных следовательно зависит от добычи и продажи [5, с. 7]. Промысел белки, так называемое «белковое», был ведущим до 1830-х гг. у русских крестьян Ангаро-Ленского региона [3, с. 30].

Скупка и перепродажа пушнины стала основой формирования крупных капиталов региона. Предпринимались даже попутки как-то упорядочить пушной рынок Сибири, особенно в контексте ее все усиливавшейся роли на китайском рынке. Еще в 1730 г. Лоренц Ланг предложил проект, который должен был упорядочить торговлю пушным товаром с Китаем. По нему вся добытая в Сибири пушнина должна была поступать в государственную казну. Из казны меха могли покупать частные лица и менять их на китайской границе. Таким образом, он пытался бороться с меховой контрабандой в Сибири, стараясь повысить рентабельность казенных караванов [6, с. 192-193]. Но ничего тогда не получилось, и пушная торговля полностью сосредоточилась в руках крупного капитала. По сведениям за 1799 г., торговлей пушниной на северо-востоке Сибири в крупных размерах занимались 13 иркутских купцов, из которых наибольшие обороты имели Ф. Медведников, скупавший до 245 тыс. белок, И. Малышев (160 тыс.), П. Трапезников (158,6 тыс.), П. Солдатов (130 тыс.), В. Сухих (130 тыс.), Г. Баженов (93,4 тыс.). Всего иркутскими купцами было закуплено более 1 млн белок, в основном ангарских и ленских, а также 2080 лисиц, 690 соболей, 9850 хорьков и прочей пушнины [2, с. 358]. Более половины скупленных мехов было отправлено для промена в Кяхту, а остальная часть вывезена на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарку или перепродана на месте другим торговцам. Кроме северных районов Иркутской губернии пушнина добывалась и в Забайкалье. Наибольшую активность в пушной торговле Забайкальского края в первой половине XIX в. проявляли кяхтинские купцы Баснины, Сабашниковы, Стрижевы, баргузинские Черных, нерчинские Зензиновы, Кандинские и др.

После передачи в 1807 г. купцам первой гильдии монопольного права на ведение торговых операций в Кяхте, являвшейся основным рынком сбыта сибирской пушнины, усилился процесс концентрации пушной торговли в руках крупнейшего иркутского купечества. Так, в 1836 г. члены семейства купцов Медведниковых скупили для промена в Кяхте 732 тыс. белок, 11 357 лисиц, 11 667 песцов, 3 750 горностаев, 700 соболей, 166 бобров и другой пушнины на общую сумму 625 тыс. руб. Крупные партии пушнины стоимостью соответственно 372 тыс. руб. и 153,5 тыс. руб. закупали в этом году для Кяхты иркутские купцы первой гильдии братья Трапезниковы и Л.П. Мичурин. Если учесть, что общая стоимость вывозимой сибирскими купцами в Китай пушнины, по сведениям на 1835 г., составляла 2 635 000 руб., то только на эти три купеческих фамилии приходилось около 40 % всего промена [2, с. 358].

На протяжении XVIII – начала XIX вв. основная масса скупаемой в Сибири пушнины поступала в Кяхту, где она составляла в 1750-1780 гг. около 85 % стоимости российского экспорта. Одной лишь белки во второй половине XVIII в. променивалось здесь от 2 до 7 млн шт. в год, кроме того, в большом количестве в Китай вывозились горностаи, лисицы, песцы, соболи, хорьки, бобры и другие меха. Причем удельный вес пушного товара у торговавших в Кяхте сибирских купцов был более высоким, чем у купцов Европейской России, а у многих сибирских торговцев меха были единственной статьей вывоза. По данным А.Н. Радищева, в 1792 г. через Кяхту было променено товаров на 650 898 руб., из них на белку приходилось 119 937, а на соболя – 29 025 руб. [5, с. 9]. О количестве можно судить, если считать, что белка стоила от 8 до 20 коп. в то время как соболь в разные годы от 15 до 40 руб. [3, с. 30].

Пушнина оставалась основной статьей российского экспорта в Китай вплоть до 1840-х гг., когда она уступила свое ведущее значение такой статье вывоза, как шерстяные и хлопчатобумажные ткани.

Значительные объемы пушного промысла в Сибири приводили к заметному падению поголовья пушных зверей. Чтобы как-то предотвратить безудержное расхищение пушных ресурсов Сибири еще в 1684 г. появился указ о запрещении промышленникам добывать соболя в северных районах Енисейского края и в Якутии - главнейших центрах соболиного промысла в Сибири. Ценные сорта пушнины обрели статус «заповедной мягкой рухляди», на торговлю которой была введена государственная монополия. В 1727 г. свобода внутренней торговли пушнинной была восстановлена, однако в интересах казенной караванной торговли с Китаем был сохранен запрет на вывоз ценных видов пушнины (соболя, бобра, черной и бурой лисицы, голубого песца) в Китай и Монголию. Этот запрет был отменен лишь в 1762 г., после отказа правительства от практики посылки в Китай казенных торговых караванов.

Истощение ценных пород пушного зверя привело к тому, что основным объектом промысла стала белка. В начале XIX в. в Кяхте промывалось до 10 млн белки. В ее составе была не только байкальская и якутская, но и уральская, дальневосточная и западносибирская. К 1830 г. промен белки в Китай упал до 3,5 млн штук [7, с. 314]. В Восточной Сибири в этот период ее ежегодный промысел сократился до 1,5–2 млн шкурок [8, л. 357]. Таким образом, с конца XVIII в. пушной промысел на большей части края превратился из товарного в подсобное занятие сельского населения. В отчете по управлению Восточной Сибири за 1827 г. отмечалось, что охота «...не может входить в исчисление постоянных приобретений, и только для некоторых служит вспомогательным промыслом» [9, л. 86 об.-87]. В конце 1830-х гг. доход населения от «звериного промысла» составлял около 172 тыс. руб. серебром и почти в 1,5 раза уступал поступлениям от извоза [10, л. 179 об.-180].

По-прежнему наибольшее подспорье крестьянскому хозяйству оказывало звероловство. Добыча пушнины была вообще одной из основных специализаций северных уездов Иркутской губернии. Данные о размерах пушного промысла и его общей стоимости противоречивы. По сведениям И. Калашникова, в начале XIX в. в Киренском уезде ежегодно добывалось от 400 до 600 тыс. белки, 1,5-2,5 тыс. соболей, от 500 до 4 тыс. лисиц, до 4 тыс. горностаев, около 3 тыс. хорьков [4, с. 58]. Пушной промысел был почти единственным стимулом развития местных купеческих капиталов, привлекая на ярмарки купцов и приказчиков из Иркутска и других сибирских городов. Ежегодная продажа в уезде колебалась от 500 тыс. до 1 млн руб. Естественно, львиная часть этих денег доставалась пушным торговцам, которые скупали ее на местах за бесценок. Широко практиковалась система кабального одалживания. «Подъем» на промысел обходился крестьянину до 14 руб. сер., в основном в долг, под будущую добычу. Почти в каждом селе имелся комиссионер крупного пушного оптовика, который держал в своих руках односельчан и инородцев. Долги на промысловиков возрастали год от года и передавались детям.

Наиболее значительным и массовым был зимний промысел. В этот период в лес уходило почти все взрослое мужское население уезда. О массовости этого промысла говорит тот факт, что в 1832 г. у киренских крестьян имелось до 579 тыс. штук различных орудий для ловли пушных зверей (плашек и кулем), то есть почти по 65 на каждую ревизскую душу [4, с. 59]. Звероловство было основным занятием эвенкийского населения, доставляя им пропитание и средства к оплате ясака. Общий доход их от продажи пушнины в 1829 г. составил почти 21,5 тыс. руб., или по 20 руб. на человека. Среднегодовой доход русского крестьянского населения уезда составлял примерно 42,9 тыс. руб. серебром, достигая в лучшие годы 64 тыс. руб. сер. [там же]. Эта сумма составляла около 37 % всего дохода от пушного промысла по Иркутской губернии. Таким

образом, несмотря на некоторое сокращение промысловых ресурсов, торгово-промысловые операции на региональном пушном рынке обеспечивали предпринимателей стабильными доходами. По подсчетам М. Константинова, в карман купца, торгующего на севере Якутии, денег возвращалось в среднем в 4 раза больше, чем выходило из него [11, с. 64]. Поэтому доходы, полученные от посреднических и торговых операций, не являлись стимулом для поиска новых рынков и иных форм предпринимательской деятельности. «При таких барышах, – отмечал В.М. Зензинов, – капиталистам, конечно, нечего заботиться о новых предприятиях, новых рейсах, новых путях – старое, испытанное, верное вполне удовлетворяло их аппетит, и ничто не побуждает их искать нового, может быть неверного, ненадежного» [12, с. 95].

Тем не менее, с середины XVIII в. в поисках новых промысловых районов крупные промысловики и купцы начали осваивать территории северной части Тихого океана, ставшие основным поставщиком пушнины и морского зверя на российский и китайский рынки. Плавания В. Беринга – А. Чирикова 1741 г. не только определили основные пути к берегам Аляски, но и привезли сведения об огромных пушных ресурсах новых территорий. Особый интерес представляли описания колоний «морских бобров» (морской выдры и калана) на многочисленных островах Тихого океана. Уже остатки команды В. Беринга, добравшиеся в конце августа 1742 г. до Петропавловской гавани, привезли с собой добытые во время вынужденной зимовки на острове Беринга шкуры морских котов, песцов и 900 шкур морских бобров [13, с. 105]. Рассказы участников экспедиции и ее практические результаты вызывали живой интерес у сибирских купцов, промышленников и казаков. Как писал один из первых историографов Русской Америки В.Н. Берх: «Молва о богатствах сей новооткрытой страны возбудила предприимчивый дух сибирского купечества, а рассказы спутников Беринга и Чирикова воспламенили еще более желание обогатиться бобровыми шкурами» [14, с. 1]. С особым вниманием к результатам экспедиции Беринга присматривались иркутяне. Почти все участники Второй камчатской экспедиции неоднократно бывали в Иркутске, сюда же стекались донесения и отчеты. Местные власти занимались организацией снабжения огромной экспедиции и переломской людей, провианта и необходимого имущества. С середины XVIII в. Иркутск вообще становится основной базой организации промыслового освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. Иркутское купечество охотно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. На всю Сибирь гремели имена купцов-промышленников И. Бечевина, Н. Трапезникова, позднее М.В. Сибирякова, Н.П. Мыльни-

кова, Ф.Я. Дудоровского, братьев Киселевых и др. Сотни жителей региона участвовали в заморских вояжах на судах различных промысловых компаний. По данным иркутской городской думы, во второй половине XVIII в. среди работников тихоокеанских промыслов было 169 иркутян, в том числе 112 мещан, 54 цеховых и 3 купца третьей гильдии [15, л. 3-8 об.]. В среднем же, по подсчетам В.Н. Шерстобоева, из ленских волостей ежегодно уходило на различные работы не менее 15 % взрослого мужского населения [4, с. 29]. Некоторая часть крестьян и посадского населения участвовала в промысловых вояжах на острова Тихого океана и Аляску. Так, среди киренских крестьян в конце XVIII в. оказалось пять пайщиков промысловой компании Г.И. Шелихова. Все они имели по одному паю, на который приходилось по 15 бобров-маток, 1 медведю, 14 хвостов, 1 040 котиков, 9 песцов. По справке оказалось, что один из них умер, а остальные «остались на островах» [там же].

Всего по данным Е.В. Алексеевой, с 1745 по 1775 г. купеческими промысловыми компаниями на островах Тихого океана было добыто пушнины, по «самым низким охотским ценам», на сумму в 3 млн 200 тыс. руб., примерно 70 % этой пушнины было променяно в Кяхте «за такую сумму, какая в оценке охотской ежели не больше, то по крайней мере вдвое». А всего со времени начала промыслов и до установления монополии Российско-Американской компании было осуществлено 110 морских вояжей и добыто пушнины на Алеутских островах и северо-западном побережье Америки на 7,8 млн. руб., а на Курилах – на 162 тыс. руб. в исчислении по охотским ценам, следовательно, по кяхтинским ценам ее стоимости превысила 15 млн руб. [16, с. 21]. С образованием Российско-Американской компании (РАК) все пушные промыслы на островах и побережье Аляски перешли в ее монопольное пользование, что превратило ее в крупнейшего в России поставщика «мягкой рухляди», особенно меха морских животных на внутренний и китайский рынок. Остальные меховщики скупали пушнину на северо-востоке Сибири и в Приамурье.

В начале XIX в. кяхтинский рынок еще не стал для РАК ведущим в сбыте пушнины. В 1808-1810 гг. только 27 % всей добытой на Тихом океане пушнины продавалась китайским купцам [17, с. 243]. Остальные меха вывозились на сибирские ярмарки, Ирбит, Москву. При этом процент проданной компанией в Кяхте пушнины постоянно увеличивался, достигнув к 1840 гг. 75 %. [17, с. 270]. При этом шкуры морских бобров и котов, являясь наиболее ценными, практически полностью променялись на китайские товары. К 1840-м гг. XIX в. директора РАК уже не были заинтересованы в накоплении запасов пушнины в России и стремились реализовать ее как можно быстрее за рубежом, увеличивая объем международной торговли в Русской Америке и Китае, а также в странах, находившихся на пути отправляемых ею кругосветных экспедиций. К середине XIX в. в связи с общим кризисом кяхтинской торговли благопо-

лучие РАК во многом стало зависеть от доходов чайной торговли. Следует учитывать, что пушная торговля имела сезонный характер, а чай продавался в течение всего года. Только в 1860 г. доходы от меховой и чайной торговли стали приблизительно равны, причем равенство это было достигнуто не за счет низких доходов от торговли последним, а за счет возросших доходов от продажи пушнины. Но даже в эти сложные годы общая продажа мехов компании превосходила объемы индивидуальных предпринимателей. Так, РАК ежегодно променивало пушнины на 225 тыс. руб. в год, в то время в среднем оборот кяхтинских купцов не превышал 75 тыс. руб. [17, с. 289].

Таким образом, на всем протяжении рассматриваемого периода пушнина являлась одной из важнейших, а для ряда региональных групп сибирского купечества – главной статьёй коммерции. Торговые операции по скупке больших партий сибирской и американской пушнины и обмену ее на российские и китайские товары, стали основой формирования капиталов целого ряда крупнейших иркутских купеческих домов. Подчеркивая важную роль, которую занимала пушнина в торговых оборотах сибирского купечества и повседневном хозяйстве крестьян таежных волостей, следует вместе с тем отметить произошедшее в предреформенный период относительное уменьшение ее значения, что было связано как с сокращением добычи пушнины в промысловых районах Сибири, уменьшением спроса на сибирские меха в Кяхте, а также с ростом в торговых оборотах сибиряков удельного веса сельскохозяйственных товаров.

Предприниматели Иркутской губернии, в первую очередь иркутские купцы, приняли самое активное участие в становлении и развитии пушных промыслов на островах Тихого океана и в Русской Америке, пройдя путь от одиночных, разрозненных купеческих компаний до организации монопольной Российско-Американской компании, получившей высочайшую поддержку и привилегии. Создание частно-государственной компании содействовало укреплению позиций России в азиатско-тихоокеанском регионе и расширению ее экономического пространства.

Список использованной литературы и источников

1. См., например: Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. / П.Н. Павлов. – Красноярск : Красноярский рабочий, 1972. – 363 с.; Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. / Ф.Г. Сафронов. – Москва : Наука, 1980. – 145 с.; Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.) / В.П. Захарова. – Новосибирск : Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1995. – 137 с.; Кушнарева М.Д. Пушная торговля Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX – начале XX вв. / М.Д. Кушнарева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 173 с.

2. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа / В.Н. Разгон. – Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 1998. – 660 с.

3. Бычков О.В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII–XX веке / О.В. Бычков // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск : АЭМ «Тальцы», 2003. – Вып. 2. – 120 с.
4. Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. / В.П. Шахеров. – Иркутск : «Оттиск», 2000. – 88 с.
5. Радищев А.Н. Письмо о китайском торге / А.Н. Радищев // Собр. соч. – Москва–Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 2. – С. 5–35.
6. Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII – XIX вв. : Избранное / Л.С. Рафиенко. – Новосибирск : СовА, 2006. – 299 с.
7. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / Ю.А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. собст.е.и.в. канцелярии, 1854. – Ч. 1. – 359 с.
8. Государственный архив Иркутской области – Ф. Р–2698 (Ф.А. Кудрявцев). – Оп. 1. – Д. 1.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1264 (Первый Сибирский комитет). – Оп. 1. – Д. 51.
10. Российский государственный исторический архив (Пятое отд. Собст. е.и.в. канцелярии). – Ф. 1589. – Оп. 1. – Д. 521.
11. Старцев А.В. Торговля сибирской пушниной на ярмарках во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Старцев // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. – Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 1990. – С. 51–66.
12. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области / В.М. Зензинов. – Москва : Наука, 1916. – 97 с.
13. Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. / С.Г. Федорова. – Москва : Наука, 1971. – 296 с.
14. Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества / В.Н. Берх. – Санкт-Петербург : Типография Н. Греча, 1823. – 169 с.
15. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 70 (Органы Иркутского городского самоуправления). – Оп. 1. – Д. 1189.
16. Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? / Е.В. Алексеева. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1998. – 254 с.
17. Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.) / А.Н. Ермолаев. – Кемерово : Изд-во «ИНТ», 2013. – 620 с.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского госуниверситета. 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2. e-mail: wodalis@yandex.ru

Authors

Shaherov Vadim Petrovich – D. Sc. in History, Professor, Department of Russia History, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., e-mail: wodalis@yandex.ru